

Эшелон на Самарканд

Category: Edebiyat täzelikleri, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Эшелон на Самарканд ЭШЕЛОН В САМАРКАНД

В начале марта в «Редакции Елены Шубиной» выходит одна из самых ожидаемых книжных новинок 2021 года – роман Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд».

Это художественно осмысленная картина голода в Поволжье. Роман-путешествие, который строится на преодолении и вере в человека, сплетении культур, народов и судеб. Настоящая одиссея в декорациях разрушенной страны в первые годы советской власти.

«Первые десятилетия советской эпохи притягивают как магнит. Это время, когда завязались узлы, которые мы развязываем до сих пор. Время, которое эхом отзывается в нас сегодняшних, во многом определяет нас, – так описывает свой интерес к эпохе Гузель Яхина. – О голоде 1920-х годов написано мало, это черная дыра в нашей памяти и одновременно большая коллективная травма, до сих пор не проработанная, не проговоренная. Нельзя двигаться в будущее, имея за спиной дыры размером в несколько миллионов жизней».

Действие романа происходит в 1923 году на одном из «поездов Дзержинского» – так называли эшелоны, которыми голодающих детей эвакуировали в сытые регионы страны.

Командир эшелона Деев – молодой фронтовик Гражданской, с мягким сердцем и пылким темпераментом. Сопровождающая поезд детский комиссар Белая – жесткая и принципиальная женщина с суровым – «мужским» – характером. Они – два полюса, два диаметрально противоположных представления о добре, однако в путешествии становятся необходимыми друг другу: общая цель – спасение детей – на какое-то время делает их близкими людьми и союзниками.

Черeda страшных приключений в пути – добыча продовольствия, лекарств, поиски кормилицы для новорожденного младенца,

блуждания в пустыне, столкновения с бандами всех цветов – выстроена как героический миф. Дееву, как и его легендарным предшественникам – Одиссею, Гераклу, Ясону, – предстоит справляться со Злом, у которого много имен: Голод, Болезнь, Убийство. И, конечно, с собственными демонами.

Пять сотен голодающих детей-беспризорников. Путь длиной в шесть недель и четыре тысячи верст. Из Казани, лесов Поволжья, через казахские степи и пески Приаралья – к пустыням Кызыл-Кума и горам Туркестана, в хлебный Самарканд. И везде – непримиримые враги: беженцы, бандиты, чекисты, казаки, басмачи... Но детские жизни, стоящие на кону этого опасного путешествия, станут мерой человечности для всех героев романа. А спасение детей – высшей целью, которая отменит и на время обнулит социальную вражду.

• Цитаты:

Четыре тысячи верст – ровно столько предстояло пройти санитарному поезду Казанской железной дороги до Туркестана. Но самого поезда еще не было – приказ о его формировании был подписан вчера, девятого октября двадцать третьего года. И пассажиров не было – их предстояло собрать по детским домам и приемникам: девочек и мальчиков, от двух до двенадцати, самых слабых и истощенных голодом. А вот начальник у эшелона уже был: фронтовик гражданской, из молодых – Деев. Назначен только что.

Сапоги – одна тысяча штук, пять сотен левых и пять сотен правых, – шуршали по брусчатке. В темном утреннем городе этот шорох раздавался громко и заполнял собой всю Рыбнорядскую, все прилегающие улочки и проулки. Заглушал высокие голоса муэдзинов на минаретах, шаги редких прохожих. Пять сотен пар ног шаркали по мостовым камням, не в силах оторвать подошвы от земли.

Кавалерийский сапог был так велик, что некоторые дети могли бы

поместиться в нем целиком – с головой утонуть в гигантском голенище. И потому шагали медленно, подхватив доходящие чуть ли не до подмышек сапоги руками, – процессия едва волоклась по улице, растянувшись длиннющей кишкой. Иногда кто-то кувыркался на землю, споткнувшись о выступающий булыжник, и тогда вся кишка замирала и терпеливо ждала, пока взрослые не помогут упавшему, – сами подняться в таком снаряжении дети не могли.

Крестьянка, также желая быть полезной, предложила пошептать над каждым ребенком заговор на сохранение здоровья, однако, эту инициативу Деев с комиссаром отклонили.

– Не заговоры больным нужны, а мясо, – вздохнул Буг, когда ему рассказали про шептунью. – Для воссоздания утраченных телесных сил детям необходим белок.

– Вопрос к начальнику эшелона, – усмехнулась Белая. – Он у нас за чудеса ответственный.

– Вот пусть вам знахарка мяса и наколдует! – вспыхнул Деев. – И меда бочку. И мануфактуры на платье заодно. И чтобы завтра же очутились в Самарканде – сытые, одетые и здоровые!

Деев спрыгнул на землю, обогнул паровоз и понял причину: рельсы были засыпаны странными продолговатыми предметами. Поленьями? Подбежал ближе. Нет, не поленьями – соленой рыбой. Гора соленой рыбы лежала на путях. Судаки, жерехи, лещи, воблы – желто-зеленые, серебряные, золотые. Тысячи тушек, многие тысячи: не пару мешков опрокинули на пути и даже не пару телег – целый вагон. Густо пахло вяленным и солью.

– Казаки, – только и сказала подоспевшая сзади Белая.

Как удалось им умыкнуть рыбу из подоженного вагона? Где хранили эдакую прорву еды? Как доставили на полустанок? Почему не вручили по-человечески, а театрально бросили на пути?

И лежали здесь не дети – скелеты детей: так померещилось Дееву, едва он вошел. На составленных рядом стульях были сооружены лежанки из тряпья. Поверх покоились кости – тоненькие, обернутые сероватой дряблой кожей. Такой же кожей были обернуты и черепа, и лица, которые состояли, казалось, из одних только огромных ртов и глазных впадин. Кости изредка пошевеливались: порой раскрывали бездумно глаза и покачивались вяло в своих ложах, а то лежали неподвижно, с полуприкрытыми веками. Несколько детей были устроены в больших плоских ящиках (по торчащим сбоку резным ручкам Деев узнал вынутые полки комода). Один ребенок – в фанерном чехле для контрабаса.

Это были лежачие – те, кто уже прошел через голодные обмороки, голодную горячку и голодный отек и кто голодал долго – не месяцы, а годы, – так что организм не умер от недостатка пищи, а истощился и истончился от постоянной ее скудости. Это были те, кого вряд ли уже можно было спасти. С потолка смотрели на них, улыбаясь, гипсовые амуры.

Белая носилась в узком проходе меж двумя составами – переставляла младших вперед, подбадривала уставших, отражала пацаньи шутки и сама отпускала остроты, отдавала приказы, кричала, махала руками – летала, как большая птица. Лицо ее было вдохновенно и счастливо.

Деев таскал на руках малышку с оставленных на привокзальной площади телег через пути, к «гирлянде». Ему помогали кавалеристы: не слезая с седел, они брали из деевских рук ребятишек – неумело брали, оттопырив локти и держа детские тела на весу наподобие штыков, – и нежно сжимали босыми пятками лошадиные бока. Едва умеющие шагать через рельсы, лошади переставляли копыта медленно и плавно – не шли, а плыли по путям, неся всадников и их диковинный груз.

Плечо, которого мимолетно коснулась Белая, уже не горело, но теплело. На ползущее к зениту солнце Деев старался не смотреть. Edebiyat tazelikleri